

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РАННИХ ВОСПОМИНАНИЙ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ

Труве Э.И.

В статье излагаются теоретические положения, раскрывающие социокультурную природу автобиографической памяти. Освещается роль отношений и характера общения в семье, в особенности материнского общения, в становлении типа автобиографической памяти. Рассматривается роль и значение ранних воспоминаний как единиц автобиографической памяти. Приводятся результаты проведенного эмпирического исследования и описываются выявленные характерные специфические особенности, свойственные воспоминаниям подростков-правонарушителей из дисфункциональных семей в отличие от подростков из нормально функционирующих семей.

Ключевые слова: автобиографическая память, ранние воспоминания, метод изучения ранних воспоминаний А. Адлера, дисфункциональная семья, несовершеннолетние правонарушители.

Интерес со стороны специалистов к изучению автобиографической памяти человека, в том числе и к изучению ранних воспоминаний как ее составляющих, в последнее время заметно растет как в теоретических аспектах в плане раскрытия природы, особенностей и механизмов функционирования этой высшей, только человеку присущей формы памяти, так и в практическом аспекте применения полученных результатов в психотерапевтической и психокоррекционной работе.

Известный отечественный исследователь В.В. Нуркова [11, 12, 13] считает автобиографическую память самостоятельным предметом исследования, имеющим специфические, свойственные только этому виду памяти функции и закономерности. Она определяет автобиографическую память как субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, которым определяется самоидентичность личности [11]. Таким образом, В.В. Нуркова считает автобиографическую память базисом самосознания личности и Я-концепции. По ее мнению, именно личность человека как развивающаяся система выступает селектором содержаний, включаемых в автобиографическую память, наполняет конкретный факт жизни особым автобиографическим смыслом, в результате чего яркие и важные эпизоды структурируются в систему автобиографической памяти и концептуализируются идеей судьбы [12].

Автобиографическая память – это, прежде всего, рассказ о своем прошлом, о событиях своей жизни, но данный рассказ находится в рамках социальных норм и правил речи. Следовательно, автобиографическая память является «мостиком» от «естественного, натурального» человеческого переживания к «культурной» форме социального взаимодействия субъекта с самим собой и с другими [12]. Процесс автобиографического воспоминания свидетельствует о превращении натурального процесса памяти в культурно-обусловленную, специализированно-вербализованную по форме и произвольную по характеру регуляции, т.е. становится высшей психической функцией по терминологии Л.С. Выготского [5], а автобиографический рассказ становится объективной, «материализованной» формой автобиографической памяти, т.е. получает свое реальное, объективное бытие для субъекта и приобретает возможность быть разделенным с другими людьми. Таким образом, значение приобретает не только процесс вербализации, но и процесс социализации.

Работы известного зарубежного ученого К. Нельсон [22] посвящены изучению становления автобиографической памяти в онтогенезе. Она показала решающее значение семьи в установлении типа автобиографической памяти и выявила два пути материнского поведения: продуктивный путь диалога, способствующий совместному социализированному построению автобиографических воспоминаний ребенка («рассказывающий» путь), и путь тупиковых вопросов, не развивающих новые

формы автобиографической памяти («прагматический» путь).

Мать, которая действует «рассказывающим» путем, сцепляет чувственную ткань образа-воспоминания с рассказом. Взрослый формирует рассказ, отражая комплексную структуру автобиографической памяти, в которой присутствуют следующие компоненты: кто, что, где, когда, другие люди. Ребенок отвечает матери на заданные вопросы, формирует под ее руководством рассказ и вспоминает вместе с чувственной тканью. Содержание воспоминаний передается ребенку матерью, а смысл его формируется в диалоге. Способ построения автобиографической памяти, где родитель строит вместе с ребенком на основе существующих чувственных образов автобиографический рассказ, является путем действительного развития автобиографической памяти. Опираясь на доказательства подобного рода, К. Нельсон конструирует теорию о том, как память развивается в раннем детстве и о том, как устроена система автобиографической памяти. Главная функция автобиографической памяти [22], по мнению К. Нельсона, – это разделение своей памяти с другими людьми.

Еще одной особенностью, которая характеризует развитие автобиографической памяти, является открытие ребенком временной перспективы жизни. Известно, что восприятие времени является не только характеристикой автобиографической памяти, но и показателем уровня развития мышления. Автобиографическая память, как одновременно личностная и познавательная психическая функция, может строиться и преобразовываться лишь в соответствии с параллельным развитием стадий мышления.

Следуя стадияльной концепции развития интеллекта, автобиографическая память, по Ж. Пиаже [14], начинает формироваться в момент, когда появляется осмысленная ретроспекция и обратимость операций. По мнению Ж. Пиаже, какие-то фрагменты своего раннего детства человек помнит, но они не связаны в целостную картину. Применительно к автобиографической памяти понятие «схема», и более конкретно «Я-схема» воплощаются в понятиях «судьба», «сценарий», «путь».

Развивая идею Ж. Пиаже, В.В. Нуркова [11] заключает, что трудоемкий и неоднозначный процесс перевода частей прошлого автобиографического опыта с языка одной схемы на язык другой и обуславливает возникновение хорошо проработанной и осознанной цепи события-сценария, судьбы. Из одной интеллектуальной схемы в схему другую на протяжении всей жизни переносится только субъективно самое важное, в нее включаются наиболее значимые эпизоды, которые имеют между собой автобиографическую смысловую связь, позволяющую объединить их в единую судьбу, остальные же факты остаются в пластах более

ранних схем необработанными. Взрослый человек, возвращаясь к событиям своей жизни, выстраивает связную линию событий в автобиографической памяти, создав схему своей жизни (куда включаются и прогноз на будущее, и понимание прошлого), и он до некоторого момента предопределен существовать в рамках данной схемы.

Единицами организации автобиографической памяти являются автобиографические воспоминания. Особое место среди них принадлежит ранним воспоминаниям детства.

Необходимо отметить, что детство представлено взрослому не непосредственно, а исключительно в воспоминаниях о нем. Мы можем использовать ресурсы своего прошлого лишь в той мере и таким образом, как о нем помним.

З. Фрейд предполагал, что «так называемые детские воспоминания представляют собой не настоящий след давних впечатлений, а его позднейшую обработку, подвергшуюся воздействию различных психических сил более позднего времени» [20, с. 15]. По мнению З. Фрейда, ранние детские воспоминания человека содержат множество реальных и фантазматических элементов и приобретают значение, как правило, маскирующих воспоминаний. Он проводит аналогию между ними и воспоминаниями народов, закрепленными в сказаниях и мифах, представляющими, несмотря на все искажения и превратности толкования, реальное прошлое [20].

Содержание автобиографических воспоминаний постоянно преобразуется, по своей природе автобиографическая память не репродуктивна, а реконструктивна [11]. Преображение воспоминаний отвечает сокровенным запросам личностных изменений.

А. Адлер [1, 2] придавал огромное значение в жизни человека его ранним воспоминаниям и считал анализ ранних воспоминаний главным методом исследования личности, придавая особое значение самому раннему воспоминанию как началу автобиографии, которую человек создает. По мнению А. Адлера, в самом раннем воспоминании находят выражение базисные жизненные установки человека, основные жизненные трудности и способ их преодоления, содержится фундаментальная оценка человеком самого себя и своего положения.

Он пишет, что не бывает случайных воспоминаний, из бесчисленного множества впечатлений, которые выпадают на долю человека, он выбирает для запоминания только те, которые, хотя и смутно, но ощущаются им как связанные с его нынешним положением. Эти воспоминания представляют собой историю жизни. Историю, которую человек повторяет, чтобы предостеречь или утешить себя, чтобы поддержать направленность на избранную цель, чтобы

с помощью прошлых переживаний подготовить себя к встрече с будущим, используя уже проверенный стиль действий [1].

По мнению А. Адлера [2], воспоминания никогда не могут вступать в противоречие со стилем, сценарием жизни. Если стиль жизни меняется, воспоминания тоже изменятся: человек будет вспоминать другие случаи или по-другому интерпретировать те же случаи, которые он помнит.

А. Адлер отмечает, что для психологических целей безразлично, является ли воспоминание, которое человек считает первым, действительно самым ранним событием, которое он может вспомнить, и даже является ли оно вообще воспоминанием реального события. Воспоминания важны только в той мере, в какой они за таковые принимаются: их значение – в их интерпретации, в их способности переносить что-то в настоящую и будущую жизнь [1].

Не все ранние воспоминания – это точные отчеты о реальных событиях, многие из них даже просто выдуманы, а большинство, вероятно, изменились или претерпели искажения с тех пор, как отраженные в них события предположительно случились, но это, как подчеркивает А. Адлер [2], не уменьшает их значения. То, что было изменено или придумано, тоже отражает цели человека, и хотя есть различия в деятельности воображения и памяти, мы можем с уверенностью использовать и то и другое. А. Адлер считает: «Если человек принимает нечто за свое самое раннее воспоминание, значит, это содержание отвечает его жизненному стилю, и мы должны принять это» [1, с. 85].

Первое воспоминание детства обладает особым значением для жизни человека. Воспоминание событий детства – не просто одна из форм приятного времяпрепровождения, это – важный источник развития человеческой личности, обеспечивающий стабильность всех ее психических процессов.

Сюжет «первого воспоминания» зачастую воспринимается и самим человеком как жизненный сценарий. По-настоящему имеет значение не определенное реальное событие прошлого, а потребность личности начать строительство истории своей жизни, пронизанной причинно-следственными связями [1].

Когда человек обращается к содержанию автобиографических воспоминаний, то перед ним предстает определенное соотношение между позитивными и негативными событиями, на основании которых можно делать вывод об общем положительном или отрицательном знаке своей жизни. Информация об этом имеет большое диагностическое значение для специалиста.

Баланс или дисбаланс между счастливыми или несчастными событиями прошлого определяет

общий модус жизни, не ситуативное, а глобальное отношение к себе, к своему будущему.

Итак, подводя итог нашему анализу, можно утверждать следующее.

1. Воспоминания детства обладают особым значением в жизни человека, поскольку являются важным источником и ресурсом развития человеческой личности, обеспечивающих стабильность всех ее психических процессов.

2. В ранних воспоминаниях человека, как подчеркивал А. Адлер [1, 2], находят выражения базисные жизненные установки, основные жизненные трудности и способы их преодоления, «содержится фундаментальная оценка человеком самого себя и своего положения».

3. Ранние детские воспоминания презентуют интрапсихическую систему отношений и являются моделью межличностных отношений настоящего.

4. Преобладающую роль в становлении жизненного багажа воспоминаний человека играет семья, установившиеся отношения в семье; родители, их жизненные установки и ценности.

Опираясь на вышеуказанные теоретические положения, было построено эмпирическое исследование, посвященное изучению особенностей ранних воспоминаний подростков, воспитывающихся в дисфункциональных семьях.

Объектом исследования были подростки, находящиеся в Центре Временной Изоляции Несовершеннолетних Правонарушителей (ЦВИНП) г. Ростова-на-Дону.

Подростки оказались в ЦВИНП за разные административные правонарушения, побеги из дома, бродяжничество и попрошайничество, проституцию, кражи и мелкое хулиганство. В основном они воспитывались в неполных дисфункциональных семьях с нарушенными детско-родительскими отношениями. Подростки часто подвергались жестокому отношению со стороны близких взрослых, психологическому, физическому и сексуальному насилию. Взаимоотношения в семье у этих подростков носили ярко выраженный деструктивный характер, когда в семье деформирована система взаимодействий между членами семьи, отсутствуют эмоциональная привязанность и солидарность в решении жизненных задач [22].

В качестве контрольной группы выступили подростки, воспитывающиеся в нормально функционирующих и адаптированных в обществе семьях.

Нами было проанализировано 144 воспоминания подростков с помощью метода анализа ранних воспоминаний А. Адлера [1, 16].

Метод анализа ранних воспоминаний А. Адлера в настоящее время используется как в целях диагностики, так и в целях терапии [6, 15, 16]. Как

диагностическое средство данный метод позволяет выявить интрапсихическую систему отношений в прошлом и в настоящем. Анализ ранних воспоминаний (до 5-7 лет), собранных и интерпретированных по специальной схеме, дает возможность определить жизненный сценарий (стиль) личности.

Проведенный контентный анализ полученного материала выявил следующие результаты:

- 1) у подростков из дисфункциональных семей чаще проявляется явление «исчезающей» истории, что говорит о нежелании вспоминать детство (часто несчастливое), о вытеснении этих воспоминаний в бессознательное, как защитный механизм сознания, либо о скудности этой истории в следствие непроговаривания этой истории родными;
- 2) большая часть воспоминаний подростков из дисфункциональных семей, в отличие от воспоминаний подростков из нормально функционирующих семей, связана с негативными событиями прошлого. Это свидетельствует об их доминирующей направленности воспринимать и запоминать скорее негативную сторону жизни, чем позитивную. Для них характерно акцентирование своего внимания на отрицательных событиях, подтверждая, тем самым, свое, уже сложившееся убеждение об опасности, трудности и жестокости жизни;
- 3) большая часть воспоминаний подростков из дисфункциональных семей, в отличие от воспоминаний подростков из нормально функционирующих семей, характеризуется амбивалентностью чувств в них. Воспоминания безнадзорных и беспризорных подростков резко переходят от позитивного настроения к негативному, где ребенок испытывает страх, обиду;
- 4) большая часть негативных воспоминаний подростков из дисфункциональных семей связана со страхом смерти вообще, и страхом возможной собственной смерти, в частности, что говорит о том, что эти подростки с раннего детства находятся в ситуациях угрозы для безопасности собственной жизни, что, в свою очередь привело к закреплению этого страха;
- 5) подростки из дисфункциональных семей избирательно запоминают те события детства, в которых угроза собственной жизни исходила от них самих – это является основанием того, что в более старшем возрасте они будут стремиться избежать этих действий;
- 6) подростки из дисфункциональных семей, в отличие от подростков из нормально функционирующих семей, в ситуациях реальной или надуманной угрозы обнаруживают склонность действовать агрессивно, с применением физической силы, т.е. проявляя деструктивный способ разрешения проблемной ситуации;
- 7) подростков из дисфункциональных семей в большей степени склонны к боязни «жизни» и «смерти», и к желанию контролировать свою жизнь перед лицом разрушительной силы;
- 8) и тем, и другим подросткам свойственна боязнь одиночества и стремление иметь родных, которые бы обеспечивали чувства безопасности и защищенности, т.к. эти чувства являются базовыми, на основе которых строится развитие ребенка;
- 9) степень негатива в воспоминаниях подростков из дисфункциональных семей гораздо выше, чем в воспоминаниях подростков из нормально функционирующих семей. Подростки из дисфункциональных семей в меньшей степени акцентируют свое внимание на своих первых детских достижениях, которые бы повышали их самооценку, по сравнению с подростками из нормально функционирующих семей;
- 10) для подростков характерно стремление сохранить в памяти те моменты, где они были едины с родными, и где они пережили чувства привязанности.

В итоге проведенного анализа стало возможным сформулировать сценарий (стиль) жизни подростков, воспитывающихся в дисфункциональных семьях, следующим образом: «жизнь – это постоянная возможность получить травму (умереть)», «жизнь таит в себе много опасностей, тревог, страхов, переживаний и поэтому надо быть готовым встретить и преодолеть все эти угрозы, применяя всю свою физическую силу, выносливость, терпение» «жизнь – это одиночество, хотя и есть семья». Что касается подростков, воспитывающихся в социально адаптированных семьях, то их жизненный сценарий звучит: «жизнь – это возможность самореализоваться, саморазвиваться, добиваясь поставленных целей», «жизнь – это нахождение в кругу близких людей, обеспечивающих чувство безопасности и защищенности».

Несомненно, для повышения уровня социализации, изменения картины мира и получения возможностей для развития и самореализации, подростки, воспитывающиеся в дисфункциональных семьях, нуждаются в помощи специалиста-психолога в осмыслении и реконструкции истории своей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Наука жить. – Киев, 1997.
2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – СПб., 2003.
3. Алексеева И.А., Новосельский И.Г. Жестокое обращение с ребенком: причины, последствия, помощь. – М., 2006.
4. Брунер Дж. Психология познания. – М., 1977.
5. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М., 1980.

6. Исполитова Е.Н., Николаева Т.П. Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности // Вопросы психологии. – 1999. – № 1. – С. 69-77.
7. Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус В.Д. Психология затрудненного общения. – М., 2001.
8. Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б. Деструктивное общение и агрессия // Материалы международной конференции по психологии общения: социокультурный анализ. – Ростов-на-Дону, 2003.
9. Москаленко В.Д. Ребенок в «алкогольной» семье: психологический портрет // Вопросы психологии. – 1991. – № 4.
10. Нарышкин А.В. Строение образа мира человека и соотношение понятий «знак – символ» и «значение – смысл» // Вопросы психологии. – 2005. – № 1.
11. Нуркова В.В. Автобиографическая память как проблема психологического исследования // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 2. – С. 16-28.
12. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. – М., 2000.
13. Нуркова В.В., Василевская К.Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации: новые феномены // Вопросы психологии. – 2003. – № 5. – С. 93-102.
14. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М., 1966.
15. Психологическая помощь пострадавшим от семейного насилия / Под ред. Л.С. Алексеевой. – М., 2000.
16. Сидоренко Е.В. Комплекс неполноценности и анализ ранних детских воспоминаний в концепции А. Адлера. – СПб., 1993.
17. Сидоренко Е.В. Терапия и тренинг в концепции А. Адлера. – СПб., 2002.
18. Смирнова Е.О., Лагутина А.Е. Осознание своего опыта детьми в семье и в детском доме // Вопросы психологии. – 1991. – № 6.
19. Труве Э.И., Тюрбеева Н.В. Опыт изучения жизненных сценариев подростков, находящихся в ЦВИНП, методом анализа ранних воспоминаний А. Адлера. В кн.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Социальное партнерство психологии, культуры, бизнеса и духовное возрождение России». – М., 2006. – С. 99-101.
20. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминания детства. – Ростов-на-Дону, 1990.
21. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Психология бессознательного. – М., 1989.
22. Эйдемиллер Э.Г., Юстицких В. Психология и психотерапия семьи. – СПб., 2000.
23. Nelson K. Explaining the Emergence of Autobiographical Memory // Early childhood in Theories of Memory. – N.Y., 1993.